Я повитуха. Я не ведьма!

Галина Тугуз

Галина Тугуз

Я повитуха. Я не ведьма!

«Автор»
2026

Тугуз Г.

Я повитуха. Я не ведьма! / Г. Тугуз — «Автор», 2026

Фульда, Германия, начало 16 века.Время великой охоты на ведьм, когда любой шёпот, любой пучок сушенных трав или отказ выйти замуж могут стать смертельным приговором.

© Тугуз Г., 2026
© Автор, 2026

Галина Тугуз
Я повитуха. Я не ведьма!

- Тужься! Сильнее! Анна, подойди сюда. Смотри, держи здесь, я начну давить на живот, по команде, потихоньку, тащи ребенка за ноги!

Бледная девушка, дрожащими руками, схватилась за торчащие маленькие ножки, окутанные тряпкой.

- Потерпи, дорогая, скоро всё закончится... Ты сможешь взять своё дитя в руки и покачать, спев колыбельную. Давай, надо ещё немного твоих усилий, не теряй сознание!

Кивнув Анне, повитуха с силой надавила на живот беременной девушке.

- Давай! Тужься! Анна, тяни потихоньку, выкручивая ребенка.

Анна, собрав остатки храбрости, осторожно потянула за ножки, раскачивая их. Роженица протяжно застонала, откинувшись назад, пот катил градом по её изможденному телу.

- Он застрял... Больше не идет, - с ужасом в глазах, прошептала Анна, смотря на Эри, которая стояла у изголовья кровати и строго смотрела, сжав губы в тонкую линию.

- Меняемся, - коротко скомандовала Эри.

Эри, с её обычно невозмутимым лицом, теперь казалась ещё более сосредоточенной. Её пальцы, ловкие и сильные, обхватили ножки ребенка, другой рукой она раздвигала промежность роженицы, высвобождая вялые ручки малыша. В воздухе повисло напряжение, густое, как туман, окутывающее всё вокруг. Роженица, услышав смену, издала слабый стон, словно пытаясь собраться с последними силами. Анна отступила, её руки всё ещё дрожали, но взгляд был прикован к происходящему, к этой отчаянной борьбе за жизнь.

- Анна, дави на живот, но аккуратно и на меня. - Переведя взляд на роженицу, Эри продолжила, - дорогая, еще раз, соберись, и по моей команде, что есть силы, тужься! Ребенок задыхается, роды слишком затянулись. Итак, раз, два! Давай! - её голос был спокоен, но в нём звучала сталь, внушающая уверенность.

Анна, стоя рядом, чувствовала, как её собственное сердце колотится в груди, отражая ритм этой напряжённой схватки. Она видела, как Эри, с каждым новым усилием роженицы, аккуратно, но настойчиво направляет процесс, её движения были отточены годами практики и интуицией.

В тишине комнаты, под первые лучи солнца, раздался слабый, но такой долгожданный крик. Он был прерывистым, пронзающий духоту и усталость. Роженица, услышав его, издала звук, который мог быть и стоном облегчения, и всхлипом радости. Эри, с лёгкой улыбкой, которая редко появлялась на её лице, осторожно вытащила маленькое, сморщенное тельце. Оно было покрыто первородной смазкой, но уже дышало, уже жило. Анна, забыв о своём страхе, подошла ближе, её глаза наполнились слезами. Она видела, как Эри передаёт младенца роженице, как та, несмотря на всю свою измождённость, прижимает его к себе, шепча слова, которые были слышны только им двоим. В этот момент, в этой маленькой комнате, где ещё недавно царило отчаяние, воцарился мир, наполненный тихой, но всепоглощающей радостью.

- Анна, если ты хочешь стать хорошей повитухой, то нет места для неуверенности и медленным действиям. Ты спасаешь в первую очередь мать, а потом ребенка, если нет возможности спасти обоих. Нет места слезам. Нет места сочувствию. Если для тебя это тяжело, уходи из этого дела, - стоя на крыльце, строго заключила Эри, отчитывая Анну, которая растерялась на своих не первых самостоятельных родах.

- Прости, это был первый раз, когда ребенок шел ногами вперед,- опустив глаза вниз, прошептала она.

- А если плод будет крупный? Кровотечение? Родовая горячка? Ты знаешь, сколько всего может произойти во время родоразрешения? Не будь такой легкомысленной! Твоя мать должна была лучше обучить тебя этому мастерству. В следующий раз меня может не быть рядом, и я не смогу помочь.

- Я понимаю.

- Пойдем, надо дать отвар роженице, чтобы избежать кровотечения.

Эри, не дожидаясь ответа, решительно направилась к двери, ее шаги были быстрыми и уверенными, словно она несла на себе всю тяжесть ответственности за происходящее. Анна, все еще ощущая на себе острый взгляд, медленно поднялась, стараясь не выдать дрожи в коленях. Она знала - Эри права. Каждый миг промедления, каждая тень сомнения могли стоить жизни не только роженице, но и её собственной. Быть повитухой, значит ходить по тонкому лезвию. Она поспешила за Эри, стараясь не отставать. В воздухе витал запах трав и чего-то еще, неуловимого, но тревожного. Анна старалась сосредоточиться на каждом движении Эри, на каждом ее слове, впитывая их, как губка. Она видела, как уверенно Эри берет глиняный горшок, как ловко отмеряет травы, как ее пальцы, двигаются с поразительной точностью. Это было не просто ремесло, это была наука, искусство, требующее не только знаний, но и железной воли. Когда Эри протянула ей чашу с дымящимся отваром, Анна взяла ее дрожащими руками. Она чувствовала тепло, исходящее от жидкости, и это тепло, казалось, передавалось ей, успокаивая внутреннюю бурю.

- Дай выпить Фрау.

Анна молча выполнила то, что должна была уметь самостоятельно. Приподняв бледную, обессиленную роженицу, приложила чашку к её сухим губам и помогла выпить отвар. Ребенок, уже отмытый и запеленнованный в чистую ткань, тихонько лежал на животе новоиспеченной матери покряхтывая и слабо двигая ручками и ножками.

- Дальше справишься? Мне надо идти,- спросила Эри Анну.

- Да. Спасибо, что нашла время помочь.

Распрощавшись на пороге хозяйского дома, Эри быстрым шагом шла на окраину города, чтобы успеть домой дотемна. Анна немного проводив ее взглядом, вернулась в дом, где появилась новая жизнь.

***

Минуя оживленные улицы, натянув капюшон накидки на голову, Эри быстрым шагом покидала город, желая нырнуть в тишину леса. До заката было еще около часа. Проверив, на месте ли нож, который всегда прятала за поясом, она спокойно свернула с центральной тропы на почти незаметную тропинку, ведущую в глубь чащи.

Под щебетание птиц и шорох кроны лесных деревьев, Эри чувствовала, как с каждым шагом напряжение, накопившееся за день, постепенно отступает, уступая место спокойствию и сосредоточенности. В глубине леса воздух становился свежее, напоённый ароматами хвои и влажной земли. Тропинка петляла между стволами, иногда открывая вид на небольшие поляны, залитые мягким светом заходящего солнца, где она часто собирала целебные травы. Эри остановилась на мгновение, прислушиваясь к звукам леса:

"Хм, ощущение, будто за мной кто-то идет".

Оглядевшись вокруг и постояв, прислушиваясь, пытаясь отфильтровать лесные звуки от других, она продолжила путь, положив руку на небольшую рукоятку, выглядывающую из-за пояса. Сердце забилось быстрее, но она не позволила страху взять верх - напротив, дыхание выровнялось, а взгляд стал ещё более внимательным. Ветки хрустели под её ногами, в голове

мелькали мысли о том, кто мог идти за ней: враг, случайный путник или, может быть, кто-то из тех, кому нужна помощь. Но никого не было. Наконец, когда начинало смеркаться, она вышла к своему лесному домику, где проводила большую часть времени, выращивая овощи и целебные травы.

Дверь легко отворилась, приглашая войти. Внутри царил привычный полумрак, наполненный ароматами сушеных трав, земли и старого дерева. Она опустила корзину с собранными по пути ягодами на грубо сколоченный стол, провела рукой по пыльным корешкам книг, стоявших на полке, и подошла к окну. За ним, в сгущающихся сумерках, лес казался еще более таинственным и безмолвным. В такие моменты, когда дневные заботы отступали, а мир вокруг замирал, она чувствовала себя частью этого древнего, живого организма, его неотъемлемой частицей. Завтрашний день обещал быть таким же, как и сотни предыдущих: уход за грядками, сбор урожая, приготовление отваров и настоек. Но сегодня, в этот тихий вечер, ей хотелось просто быть, раствориться в покое и ожидании ночи.

***

С первыми лучами солнца и пробуждающим щебетанием птиц Эри вышла на крыльцо. Глубоко вдохнув утреннюю прохладу леса и потянувшись, она оглядела свой уютный дворик и сразу же двинулась к грядкам. Её руки, привыкшие к земле, ловко перебирали листья, выискивая созревшие плоды и травы. Каждый кустик, каждая травинка были знакомы ей до мельчайших деталей, их запахи и текстуры рассказывали о своём состоянии, о том, что им нужно. Сегодняшний урожай обещал быть богатым: ярко-красные ягоды земляники, сочные листья салата, пучки ароматной мяты и мелиссы. Она бережно складывала их в плетёную корзину, чувствуя, как тепло солнца проникает сквозь тонкие стенки, согревая её пальцы.

Закончив с грядками, Эри направилась к колодцу. Скрип нарушил утреннюю тишину, и ведро, опускаясь в глубину, издало глухой всплеск. Холодная, чистая вода, поднятая из недр земли, освежила её лицо и руки, смывая остатки усталости. Она наполнила кувшин и отнесла его в дом, где приступила к приготовлению завтрака.

После завтрака, когда солнце поднялось выше и его лучи стали проникать сквозь листву деревьев, создавая причудливые узоры на земле, Эри занялась приготовлением отваров. В её небольшой, но уютной кухне витал аромат сушёных трав, мёда и специй. Она тщательно отмеряла ингредиенты, следуя старинным рецептам, передававшимся из поколения в поколение. Каждое движение было отточено годами практики, каждый взгляд на кипящую жидкость - полон знания и понимания. На завтра у нее была запланирована вылазка на рынок, где она продавала свои отвары, чаи и целебные настойки, которые пользовались большой популярностью. День шёл своим чередом, наполненный привычными заботами. Эри перебирала травы, сушила их на солнце, готовила мази и настойки, складывая их в нагрудную сумку и корзину. Она знала, что её труд важен, что её знания помогают людям, живущим в окрестных деревнях и городе. Жители знали дни в которые Эри посещала рынок, и всегда выстраивались в очередь не только за ее товарами, но и за советами, помощью.

Собравшись рано утром, Эри двинулась в путь. Напевая мелодию и перекидывая тяжелую корзину из руки в руку, она вышла на окраину города, натянула капюшон, и, двинувшись на центральную улицу, окунулась в хаос рынка. Минуя громких торговцев, которые пытались привлечь внимание к своим лавкам посетителей, она свернула на более тихую улочку, где практически никого не было. Добравшись до деревянного моста и спустившись вниз к реке, она поставила пенёк, который служил ей стулом, и всегда стоял в одном и том же месте, никому

не нужный, вытащив ткань из сумки, приступила к раскладке своего товара. Не успела расположиться, как к ней начал подтягиваться народ, создавая небольшую толпу, галдя и перебивая друг друга. Сдвинув брови, Эри продолжала молча раскладываться, не снимая капюшона.

Наконец, когда всё было аккуратно разложено: мази, отвары и чаи выстроились в ряд, Эри подняла взгляд. Перед ней стояли не просто покупатели, а ценители, жаждущие её знаний. Их глаза скользили по товарам, кто-то уже протягивал монету, указывая на мазь, кто-то шептал просьбу о помощи и совета, касаемо здоровья, а кто-то просто стоял присматриваясь. Эри слегка кивнула, давая понять, что готова принимать заказы. Она ловко смешивала травы, объясняла, успокаивала. Люди продолжали идти, кто-то с ожогами, кто-то с хромотой. Все жаждали одного - исцеления. Острая на язык Эри не питала надеждами людей, говоря строго и без сглаживания, но рекомендуя те или иные настойки для лечения или облегчения состояния. Её слова, словно холодный душ, отрезвляли, но в них не было злобы, лишь горькая правда и стремление помочь. "Не ждите чуда, - говорила она, указывая на обгоревшие руки, - это не пройдёт бесследно. Но вот эта мазь из алоэ и календулы снимет боль, а отвар из ромашки поможет уснуть". Люди слушали, кивали, их глаза, полные отчаяния, цеплялись за каждое слово, за каждый жест. Они знали, что Эри не обманет, не даст пустых обещаний. Её суровый реализм был единственным якорем в море их страданий и отсутсвии хорошей медицины. В этом моменте она была не просто продавцом, а хранительницей древних знаний, мостом между природой и человеком. И пока вокруг неё собиралась эта небольшая толпа, Эри ощущала, как её призвание обретает форму и смысл, а также наполняет ее кошель.

Уже к обеду все товары были распроданы. Складывая ткань в корзину и накинув сумку через плечо, Эри, уставшая от плотного общения с жителями, торопилась скорее вновь оказаться в своем лесном оазисе тишины.

- Эри... - окликнул знакомый голос.

Не поворачиваясь она выпрямилась. Зная, кому принадлежит голос, быстрым шагом заторопилась на рынок.

- Эри, - настаивал голос, и в этом голосе, физически ощущалось отчаяние.

Эри молча продолжила путь к рынку.

- Стой.

Преграждая ей путь, перед ней встал молодой мужчина. Не поднимая капюшона она видела его только по шею. Закатанные рукава оголяли загорелые, бронзовые накаченные руки. Рубаха, заправленная в брюки, очерчивала его скульптурную талию. Он переминался с ноги на ногу:

- Эри, пожалуйста..

- Ты хочешь, чтобы обо мне пошли слухи?

- Эри..

- Уйди. Нам не о чем разговаривать.

- Прости меня.

- Ламар, оставь меня в покое.

Обогнув его, Эри быстрым шагом бросилась в пучину рынка. Её сердце всё ещё колотилось, как пойманная птица, а в ушах звенел его голос, полный отчаяния. Она знала, что он не отстанет так просто. Ламар был настойчив, как летний зной, и так же невыносим. Каждый раз, когда она видела его, в ней поднималась волна старых воспоминаний, смешанных с тем, что она упорно пыталась похоронить глубоко внутри.

Рынок, обычно такой шумный и отвлекающий, сегодня казался лишь фоном для её внутренних терзаний. Запахи свежих фруктов, пряностей и жареного мяса, крики торговцев, смех детей - всё это проносилось мимо, не задевая её. Взгляд Эри был устремлён под ноги, в пустоту, которую она чувствовала внутри себя. Ей нужно было купить нитки для вышивки, но руки

дрожали, когда она пыталась выбрать нужный оттенок, затем муку, зерно... Пытаясь собрать мысли в кучу, чтобы ничего не забыть, Эри глубоко вздохнула, начиная злиться на себя. Закончив с покупками, она поспешила в место, где наконец сможет отпустить напряжение и вновь раствориться в тишине и умиротворении.

***

- Ламар... Ламар отпусти! Нет! Помо... Аааaа!

Эри резко вскочила в кровати, до боли сжимая одеяло костяшками пальцев, хватая воздух ртом. Обхватив рукой лицо и пытаясь совладать с дыханием, она прошипела сама себе:

- Сон, это всего лишь сон.

Опустив ноги на пол и почувствовав его прохладу, Эри медленно подошла к окну, уперевшись в него руками. Лес был безмолвным и смотрел на неё тьмой. Небо заволокло тучами и постепенно природа готовилась принять дождь. До утра она не смогла сомкнуть глаза, поэтому принялась готовить целебные настойки и мази.

***

Под утро начался проливной дождь. Эри сидела на крыльце, плавно качаясь в кресло-качалке с чашечкой ароматного чая.

- Помогите!

Из глубины леса послышался женский крик о помощи. Эри напрягла слух, привставая с кресла, и всматриваясь через стену дождя в лес.

- Помогите! - повторилось громче.

Из леса, спотыкаясь, держась за большой живот, вышла женщина. Эри, опрокинув чашку, помчалась ей навстречу, подхватывая под руки.

- Мне сказали, что вы здесь. Помогите! Я рожаю, но мой хозяин не должен знать об этом, и тем более его жена! - тараторила женщина, держась за передник Эри.

Обойдя основной вход, Эри завела женщину в отдельную боковую комнату хижины. В комнате стояла кушетка, рядом - деревянный табурет, небольшой открытый шкаф, в котором были сложены пеленки, а также чашки, глиняные горшки, травы. Воздух был пропитан запахом сушеных трав и легкой сырости, характерной для старых деревянных построек. Эри помогла лечь женщине на кушетку, сама подошла к шкафу, достала одну из чашек и наполнила ее водой из глиняного кувшина, стоявшего на верхней полке. Затем, выбрав несколько пучков трав, она начала растирать их в ступке, издавая приглушенный шорох. Свет проникал в комнату через небольшое, затянутое пергаментом окно, создавая мягкие тени на стенах. Тишина нарушалась лишь потрескиванием дров в очаге, которые были зажжены под триногой, и мерным дыханием женщины, которая, казалось, немного успокоилась, оказавшись в этом уединенном убежище.

- Уф... Уф... Вы же Эри-повитуха? - тяжело дыша, через стиснутые зубы, процедила женщина, борясь с очередной схваткой. - Меня зовут Ангелика... Уф.. Мне никак нельзя этого ребенка... Уф... Меня не примут обратно гувернанткой, понимаете?

Эри, сведя брови вместе, хладнокровно готовилась принять роды, не задавая вопросов.

- Вы не подумайте, я не собиралась занять место жены своего хозяина, но она всё время больна, а его голод надо утолять, вот он и... Уф... Уф...

- У тебя уже начинаются потуги, как ты вообще дошла до меня и не родила ребенка в лесу... Раскрытие полное, и темечко уже выходит. Ты рожала до этого?

- Был выкидыш, примерно прошлой весной.

- Сейчас, тужься.

Эри, не отрываясь от своих действий, кивнула. Ее руки двигались уверенно и быстро. Она протянула женщине чашку с травяным отваром.

- Выпей это. Поможет снять боль и даст силы.

Женщина жадно выпила отвар, и на ее лице появилось легкое облегчение.

- Я не знаю, что мне делать с ним, повитуха. Я не могу его оставить, и взять с собой не могу.

Эри, не поднимая глаз, ответила:

- Сначала роди, а потом будешь думать.

Потуги усиливались, и женщина начала кричать. Эри давала указания, как дышать и тужиться, включив полное хладнокровие, и сосредоточившись на процессе.

- Еще немного.

Через некоторое время раздался пронзительный крик младенца. Эри приняла его в свои руки, завернула в чистую пеленку и протянула матери.

- Мальчик. Здоровый и крепкий.

Женщина, обессиленная, посмотрела на младенца без единной капли интереса.

- Мальчик...- равнодушно повторила она.

Эри тем временем занималась последом, а затем помогла женщине привести себя в порядок.

- Отдохни немного. Я приготовлю тебе поесть.

Женщина кивнула, не отрывая глаз от своего сына. Эри вышла из комнаты, оставив мать и дитя наедине. Она понимала, что женщине нужно время, чтобы принять решение. В ее хижине всегда находилось место для тех, кто нуждался в помощи, она не отказывала.

Запах свежеиспеченного хлеба и травяного чая наполнил домик, создавая атмосферу уюта и спокойствия. Эри знала, что жизнь не всегда справедлива, но она верила в силу сострадания матери к собственному дитя. Вернувшись в комнату, она застала их спящими. Опустившись на табурет и уперевшись руками в колени, задумалась, уставившись в одну точку.

"Надеюсь, эта женщина будет благосклонна к жизни этого мальчика... Только не в церковь... Человеческая жизнь всё никак не приобретёт ценности в этом мире."

Вздохнув и оставив еду около кушетки, вышла на крыльцо. Дождь слегка капал, и туманная дымка начинала растворяться. Холодный, влажный воздух приятно освежил лицо Эри.

***

Она не помнила свою мать, мир был жесток, и люди в нем часто забывали о человечности. Её первые воспоминания - это церковь, строгие монахини, тёмная комната, где за непослушание подвешивали за руки, проголодь и много работы. Единственным лучом добра была ее подруга Августина со светлыми кудрявыми волосами, небесно-голубыми глазами, живым неунывающим характером, которая всегда поддерживала Эри в минуты отчаяния, несмотря на то, что она была младше неё. В церковь, её подругу, привел в возрасте семи лет бюргер. Эри видела, как монахиня вручала ему мешочек с монетами, и с доброжелательной улыбкой, взяла за маленькую ручку Августину, сопровождая её в глубины темного коридора. Девочка отличалась от всех живым блеском в глазах и ангельской внешностью, по её манерам было видно - воспитывалась в знатной семье. Скорее всего, девочка была зачата и рождена от служанки, поэтому в конце концов все решили забыть о ней, поместив в стены церкви. Любимое занятие Августины было пение и придумывание рассказов. В её рассказах всегда была полная и счастливая семья, дети с удовольствием слушали перед сном, отвлекаясь от уныния реальности.

Однажды детей выстроили в ряд для приветсвия главного Священника. Прошло полгода с его поездки и главный священник Питер Басфельд вернулся. Высокий, плотный мужчина с

голубыми глазами, медленно прошел мимо детей, которые молча склонили головы к поднятым вместе ладошкам в знак приветсвия. Он остановился около Августины, мягко улыбнувшись, взял ее за подбородок, она смотрела прямо в его глаза, наивно и по-детски, он разглядывал её лицо:

- Какое прелестное дитя. Как зовут?

- Августина, Отец, - тут же ответила монахиня, стоящая поодаль за его спиной.

- Милое, милое дитя,- повторил он и двинулся дальше в свои покои.

Августина улыбалась вниманию Отца, у Эри же пробежали неприятные мурашки по коже, все знали, что периодически он вызывает к себе детей младше девяти лет, и не все возвращаются после таких встреч.

Настроение детей в стенах церкви поменялось, стало разительно тихо. Можно было расслышать лёгкий свист ветра гуляющий по коридорам и катакомбам.

- Дети, завтра нам надо отблагодарить нашего Отца Питера Басфельда за кров и его милосердие. Поэтому сегодня репетиция будет дольше. Все в зал,- произнесла умиротворенно монашка, и в сопровождении нескольких сестер, дети двинулись в главный зал с Алтарем. В течении недели репетиции стали частыми и продолжительными.

В день песнопения, детей нарядили в чистые льняные длинные рубахи, и выстроили в ряд в главном церковном зале. Августина должна была петь соло, остальные подхватывать. Она нервно переминалась с ноги на ноги, периодически тряся Эри за руку.

- Я же не забуду слова? Я же справлюсь? А в друг я подавлюсь слюной? Эри, что тогда делать? - тараторила она, подправляя другой рукой бант на голове, который сползал с её белокурых кудряшек. - Бантик сейчас упадет... а если он упадет, когда я буду петь? Эри.. Ну Эри.. - гундела она.

- Давай бант мне, я положу его в вазон, в комнате за сценой, а после песнопения сразу же повяжу его тебе, сойдет? - предложила Эри.

- Угу, - кивнула Августина.

Все монашки уселись на деревянные скамьи в зале, дети стояли двумя рядками на сцене у Алтаря, Августина стояла в центре. Её платье единственное было белым с красной лентой на поясе, у остальных были обычные длинные рубахи в пол. Наконец, большие деревянные двери распахнулись, и Отец Питер Басфельд неспешно вошел в зал. Его руки были сложены, и казалось, он был внеземной, когда шел по красной длинной дорожке в белой тунике с золотистой вышивкой на рукавах. Затем он развернулся к стоящим монашкам и начал проповедь: огласив её, а также повествовав о своих новых знаниях в поездке, движением руки пригласил всех сесть, после чего повернулся к детям и движением показал, что они могут начинать.

Дети затянули хор, после первого куплета Августина огласила зал своим ангельским, чистым, как роса, пением. Её голос отдавался невероятным эхом, отскакивая от витражных стекол и резных стен, проникая внутрь каждого. Эри гордо смотрела на неё, восхищаясь со стороны. После окончания выступления все прислужницы встали вместе с Отцом и прочитали молитву. Монашки, поочередно подходя к Отцу, целовали его руку и, делав три шага назад, разворачивались и уходили через главный вход. Дети продолжали стоять. Наконец, когда все монашки ушли, Отец повернулся к Сестре, которая дирижировала. Поблагодарив, он прошептал ей что-то на ухо... она кивнула, и на её лице появилась легкая улыбка. Отец повернулся к детям. Его взгляд, до этого сосредоточенный и серьезный, смягчился, став почти отеческим. Он медленно прошел вдоль ряда, останавливаясь у каждого ребенка, касаясь их голов, некоторых поглаживая по волосам, других - по плечу. Дети, которые были в церкви давно, напряженно стояли, вновь прибывшие расслабились под его прикосновениями, их лица озарились

робкими улыбками. Августина, стоявшая в центре, почувствовала, как его рука легла на её голову, и легкий трепет пробежал по её телу. Он задержался у неё чуть дольше, чем у остальных, и его глаза встретились с её глазами. Она искренне ему улыбалась, показывая отсутсвие верхнего зуба.

Затем он вернулся к Алтарю, и его голос, теперь уже не такой торжественный, как во время проповеди, но по-прежнему наполненный силой, обратился к ним:

- Вы, дети, - будущее нашей веры, свет, который будет сиять в этом мире. Ваше пение сегодня было подобно голосам ангелов, и я благодарен каждому из вас за этот дар.- Он сделал паузу, обводя взглядом каждого ребенка. - Теперь идите, и пусть благословение Господне будет с вами.

Дети, получив разрешение, начали медленно расходиться, их шаги эхом отдавались в опустевшем зале. Эри обернулась, чтобы убедиться, что подруга следует за всеми, но увидела, что Августина, оглядываясь на неё, стоит всё там же, а на её плече продолжает лежать рука Священника.

"Я обещала повязать ей бант после пения!" - шмыгнув за штору и выйдя через дверь в небольшой холл, Эри начала рыться в вазоне, найдя бант, она обнаружила, что он развязался и прежде чем выйти к Августине, решила вновь завязать его, что давалось ей неумело.

Наконец справившись с задачей, и осмотрев еще раз бант, девочка вновь направилась в зал, потихоньку отворив дверь и спрятавшись за штору начала глазами искать Августину, не понимая, что за металлический звук раздается эхом по залу. Бант выпал из рук Эри...

Августина лежит на холодном каменном полу, её рот зажат её же задранным платьем, она не кричит, она захлебывается. Отец Басфельд бьёт её по ягодицам и спине связкой ключей, вещает на латыни:

- Exi, immunde spiritus! (Изыди, нечистый дух!)

По залу, под лязг металлических ключей, витает запах ладана, сырости и старого воска. Закончив, Отец поднял за волосы Августину, тяжело дыша:

- Теперь ты чиста!

Августина, обмякнув, лишилась чувств. Эри, зажав рот руками, и шокированная увиденным, обмочилась под себя.

Витражные окна, сквозь которые пробивались последние лучи заходящего солнца, окрашивали пыль в воздухе в золотистые оттенки. Эри продолжала беспомощно сидеть за шторой в собственной моче, закрывая уши руками, стараясь не слушать тяжелых шлепков, хлюпания и тяжелого дыхания, доносящегося из зала. Склеры ее глаз покраснели от давления и слез, она боялась шевелиться и громко дышать, чувствуя беспомощность и ужас ситуации. Спустя время, когда всё было кончено, и Басфельд покинул зал, забирая с собой малышку Августину, накрыв ее тканью, Эри трясясь, медленно поднялась, держась за штору. На полу у Алтаря были следы крови и экскриментов. Чувствуя, как накатывает тошнота, а головокружение усиливается, девочка вновь села на корточки. Отдышавшись, она отворила дверь и пытаясь не упасть, двинулась в опочевальню, крепко сжимая бант Августины в руке. Августину больше никто не видел.

В десять лет Эри совершила побег. Под предлогом помощи со стиркой, она дождалась, когда юная монашка отвлечется, протиснулась в щель в заборе и бросилась прочь. Она бежала, не оглядываясь, пока ноги не начали подкашиваться от усталости, а сердце не колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Страх не покидал её - страх быть пойманной, возвращённой, наказанной.

Дни и ночи она шла, прячась в тени деревьев, питаясь ягодами и дождевой водой, учась выживать в диком мире. Иногда она просила милостыню, встречались добрые люди, которые не задавали лишних вопросов и делились куском хлеба или монетой. Эти редкие моменты тепла становились для неё опорой, напоминанием, что добро существует, несмотря ни на что, хотя раны прошлого не давали покоя. Но попадались и те, кто напоминал ей, что человеческая жизнь - ничто. Она не раз была избита другими детьми, и, не раз была прогнана взрослыми. Так она скиталась всё лето и часть осени. Начинало холодать...

***

Через четыре дня Эри проводила Ангелику с младенцем на руках, и жизнь вернулась в обычное русло отшельницы. В домике вновь стало тихо, в воздухе витал аромат сушеных трав и специй. Она распахнула дверь и окна боковой изолированной комнаты, где недавно появилась новая жизнь, впуская лучи солнца и свежий воздух внутрь. Завтра ей предстоял путь в одну из самых дальних деревень.

Натянув сумку через плечо, взяв корзину, она побрела в путь. Ночь застала её в пути. Эри устроилась под раскидистым дубом, развела небольшой костер, чтобы согреться и отпугнуть диких зверей. Глядя на пляшущие языки пламени, она вспоминала своё детство, побег, время, когда она настолько боялась быть пойманной, что нигде не задерживалась надолго: скитания, страх, голод, холод. Но теперь эти воспоминания не вызывали у неё прежней боли, просто осталась привычка быть в движении. Оно были частью её прошлого, частью её пути. Пути, который привёл её сюда, в этот лес, к этому костру, к этой жизни. Жизни, полной трудностей, но и полной свободы, смысла, надежды. Будучи взрослой женщиной, ей приносило облегчение, посещение разных мест, при этом, она всегда возвращалась в свой небольшой домик в лесу.

Рассветные лучи едва коснулись горизонта, когда Эри возобновила свой путь, следуя извилистой тропой вдоль безмолвной реки. Водная гладь казалась неестественно спокойной, словно замершей в ожидании. Внезапный порыв ветра, вместо ожидаемой прохлады, принес с собой удушливый, приторно-сладкий аромат разложения. Взгляд Эри невольно задержался на коряге, выступающей из воды. Среди обрывков влажной ткани, зацепившихся за сучья, покоилось белое, словно восковое, тельце, принесенное течением. Не испытав страха, Эри перевела взгляд на кромку леса, затем скользнула им по тропе, чтобы убедиться в отсутствии посторонних, и вновь вернулась к ткани. Это был младенец Августины, появившийся на свет в её хижине менее недели назад. Ещё раз окинув окрестности взглядом, Эри спустилась к месту, и осторожно потянула застрявшую ткань, освобождая из неё ребёнка. Легкие волны, едва касаясь берега, нежно шевелили его светлые волосики на голове. Окончательно высвободив младенца из пеленки, она поспешно прикопала её под ближайшим деревом в лесу, позволяя реке унести бездыханное тельце.

Сообщить о такой находке амтману (судье) означало бы для Эри неминуемое наказание: в лучшем случае - порка батогами за сокрытие греха, в худшем - обвинение в колдовстве. В таких случаях никто не стал бы вникать в обстоятельства, выяснять её вину или невиновность.

Отряхнув тяжелую шерстяную юбку, поправив льняную рубаху, девушка натянула капюшон накидки на голову и ускорила шаг, покидая это место. Она изо всех сил старалась унять бешеное сердцебиение и побороть дрожь, пронизывающую всё тело.

" Так вот, как ты решила поступить со своим дитя..."

***

Наконец добравшись до деревни, которую вполне можно было бы назвать городом, Эри начала поиски постоялого двора.

Улицы, вымощенные крупным булыжником, петляли между добротными каменными домами, украшенными резными наличниками и коваными балконами, а воздух был наполнен смесью запахов свежеиспеченного хлеба и дыма из печных труб. Она шла, внимательно оглядываясь по сторонам, ища вывеску с изображением кружки или какого-нибудь животного, что обычно указывало на наличие таверны или гостиницы. Толпа была довольно плотной, люди сновали туда-сюда, оживленно переговариваясь, и Эри чувствовала себя немного потерянной в этом водовороте незнакомых лиц и звуков.

Внезапно её взгляд зацепился за знакомый символ - нарисованную на потемневшей от времени деревянной табличке, прикрепленной над дверью одного из домов, красовалась фигурка спящего пса. Это было именно то, что она искала. С облегчением Эри направилась к этому зданию, надеясь найти здесь крышу над головой.

Дверь оказалась тяжелой, из темного дуба, и скрипнула, пропуская её внутрь. Внутри царил полумрак, освещаемый лишь несколькими тусклыми оконцами. Воздух был густым от запаха пива, жареного мяса и чего-то ещё, более терпкого и землистого, что, возможно, было связано с местными травами. За стойкой, протирая стаканы, стоял полный мужчина с густой бородой, его взгляд был внимательным, но не враждебным, рядом с ним сновала пухлая женщина. Несколько посетителей сидели за грубыми деревянными столами, их голоса сливались в негромкий гул. Эри подошла к стойке, чувствуя, как усталость после долгого пути начинает брать своё.

- У вас есть свободные комнаты? - поинтересовалась Эри.

- Гертруда, это к тебе, - кивнул головой в сторону Эри мужчина.

- Доброго дня. Фрау Гертруда, - представилась женщина,- вам комнату? Надолго?

- Здравствуйте, на два дня.

- Пройдемте.

Гертруда, не дожидаясь ответа, повернулась и направилась к узкой лестнице, ведущей наверх. Эри последовала за ней, её шаги отдавались глухим стуком по скрипучим ступеням.

- Вы откуда? По каким делам в нашей деревне? - интересовалась женщина.

Запах пива и жареного мяса сменился более спокойным, но всё ещё ощутимым ароматом старого дерева и пыли. Наверху коридор был ещё темнее, лишь редкие щели в ставнях пропускали тонкие лучи света, выхватывая из полумрака очертания дверей. Гертруда остановилась перед одной из них, её пальцы, покрытые мелкими морщинками, ловко повернули ключ в замке.

- Ваша деревня выглядит, как город, - игнорируя вопросы, ответила Гертруде девушка.

- Вот, ваша комната, – произнесла она, открывая дверь. - О, да, наша деревня развивается очень быстро. После того, как мы поймали ведьму и сожгли её, - счастливо промурлыкала Гертруда. - Спасибо нашему аббату! Несмотря на то что Мерга Бин была довольно состоятельной женщиной, и могла подкупить его, он не продался ведьме и не поддался искушению. Она призналась в убийстве её второго мужа и его детей; к тому же Мерга призналась в участии в ведьминских шабашах и в том, что отцом ребенка, которым она была беременна на тот момент, был сам Дьявол. Мергу Бин сожгли. После этого наша деревня очистилась и теперь расцветает! Сейчас наш Светлейший Больтазар фон Дирнбах гоняется за ведьмами по всему Гессену!

- Спасибо, я отдохну, - закрывая дверь, выпроводила девушка хозяйку из комнаты.

Комната оказалась небольшой, но чистой. В углу стояла простая кровать с соломенным тюфяком, рядом - небольшой столик и стул. Окно выходило на задний двор, где виднелся небольшой, заросший травой дворик. Эри огляделась, чувствуя, как напряжение медленно покидает её тело. Она бросила сумку на кровать и подошла к окну, вдыхая воздух. Деревня, казалось, жила своей жизнью где-то там, внизу, а здесь, в этой скромной комнате, она могла

наконец позволить себе перевести дух. Усталость была глубокой, но в то же время ощущалось беспокойство.

***

Утром следующего дня, Эри спустилась позавтракать в таверну, где уже пахло яичницей, беконом, хлебом и пивом. В зале было шумно: местные, перекрикивая друг друга, обсуждали последние новости из соседних приходов. Эри заняла дальний столик, стараясь слиться с тенями, но её внимание невольно приковывали обрывки разговоров. Имя Больтазара фон Дирнбаха звучало здесь почти как молитва, смешанная с суеверным страхом. Люди говорили о новых арестах, о том, как "очистительный огонь" уже дотянулся до Фульды, и о том, что никто - ни богатый, ни бедный - не может чувствовать себя в безопасности, если на него падет тень ведьминого проклятия. И помочь им всем мог только их великолепный и справедливый аббат.

Эри отломила кусок хлеба, чувствуя, как внутри нарастает холод. История Мерги Бин, рассказанная Гертрудой, не давала покоя. Она знала, что за этими "признаниями" стояли не дьявольские козни, а дыба и раскаленное железо, но вслух об этом здесь не осмелился бы сказать даже безумец.

Аппетита не было, и натянув сумку на плечо, прихватив корзину с мазями и травами, она двинулась на центральную улицу, в поисках местечка, где могла бы расположиться для продажи своего мастерства, закрывая лицо капюшоном. Внезапно в плечо Эри врезалась женщина, спешащая куда-то, безумно хохоча от возбуждения. Затем мимо пробежало несколько мужчин. Охваченная любопытством, она последовала в сторону, куда начинал подтягиваться народ, сливающийся буквально из всех улочек. Эри вышла на главную площадь деревни и увидела босую девушку, в грязной, рванной рубахе. Её голова была грубо обрита, на затылке виднелось родимое пятно. Вокруг неё полукольцом шёл конвой из стражников и священников, крича молитвы и простирая руки к небу.

Девушку, которой каждый шаг давался с явным усилием, подвели к вытоптанному пятачку булыжной мостовой в центре площади, где стоял деревянный помост с уже заготовленным хворостом. От центра помоста во все стороны расходились обугленные пятна - следы прошлых казней, превратившие камни в черные, промасленные сажей следы. Священник, вскинув руки вверх, под возбужденное ликование толпы, затянул проповедь на латыни, увещевая осужденную покаяться, ибо только так она может спасти свою душу от вечного пламени, затем перешел на обычный диалект:

- Маргарета! Дочь плотника из Гессена, внемли! Не ради тела, но ради бессмертной души твоей здесь. Господь милостив, и Он готов принять твоё покаяние, даже в этот последний, смертный час. Признайся добровольно, что ты отвергла Святое Крещение, что ты попрала стопами святые дары, что ты состояла в плотской связи с Люцифером и, окаянная, сосала кровь младенцев на шабаше близ горы Броккен. Покайся - и я отпущу тебе грехи, дабы пламя земное стало для тебя пламенем очищающим, а не вечной мукой.

Сделав шаг ближе к девушке, не касаясь её, Священник вскинул над ее головой руку, словно в ожидании. Народ притих, ожидая слов покаяния от Маргарет. Девушка лишь безмолвно открывала рот и почти невидящим глазом, блуждала им по толпе, словно ища поддержки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.